

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. К. Рассадина¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ НА ОСНОВЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКИЕ РЕАЛИИ

Причины сокращения промышленной сферы в Европе и США, имевшего место в последние десятилетия, принципиально отличаются от причин деиндустриализации российской экономики постсоветского периода, явившейся следствием экспортно-сырьевой ориентации экономического развития. Дальнейшее существование в рамках данной модели ведет к сохранению депрессивного состояния экономики и представляет угрозу национальной безопасности страны. В статье рассматривается один из двух альтернативных подходов к изменению стратегии экономического развития России, в основе которого лежит реиндустриализация в рамках структурной перестройки и диверсификации экономики. При этом обосновывается необходимость применения промышленной политики для осуществления столь сложной структурной трансформации. На базе изучения западных и российских экспертных оценок и эмпирических данных автор анализирует причины и возможности западной и российской реиндустриализации, а также обосновывает необходимость новой индустриализации на основе развития высоких технологий и инноваций — в качестве необходимого условия устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: реиндустриализация, промышленная политика, инновационное развитие, структурная трансформация, латентное преимущество.

REINDUSTRIALIZATION ON THE BASIS OF INNOVATIVE DEVELOPMENT: FOREIGN EXPERIENCE AND RUSSIAN REALITY

The reasons for reduction of industrial sphere in European countries and in the USA during last decades considerably differ from those in Russia during

¹ Рассадина Алла Константиновна, к.э.н., старший научный сотрудник экономического факультета; e-mail: rassalla20@yandex.ru

post-soviet period. The main reasons of Russian deindustrialization lie in the export-raw orientation of economic development. Further existence in such an economic development model leads to the conservation of economic depression and poses threat to national security. The paper depicts one of the two alternative approaches to the change of Russian economic development strategy, based on reindustrialization within structural transformation and diversification of economy. Such complicated structural transformation may be possible in case of competent industrial policy implementation. Basing on western and Russian expert estimates, we study the reasons and possibilities of western and Russian reindustrialization and prove the new high-technological innovative industrialization — as a necessary condition for sustainable economic growth.

Key words: reindustrialization, industrial policy, innovative development, structural transformation, latent advantage.

Введение

Рецессия, которую переживает в настоящее время российская экономика, обусловлена внутренними, накопившимися за долгие годы причинами и лишь усилена внешними факторами — падением нефтяных цен, санкциями и общим ухудшением геополитической ситуации. Сегодняшний кризис наглядно показывает, что модель экономики, главной целью которой является поддержание сырьевой ренты, не имеет ничего общего с развитием [Губанов, 2014, с. 16] и порождает только стагнацию и все большее отставание нашей страны от высокоразвитых государств. Формальные показатели благополучия в период быстро растущих цен на энергоносители лишь маскировали глубинные системные причины будущих проблем, вскоре продемонстрировавших уязвимость российской экономики.

Главная проблема, которую необходимо решать, состоит не в ценах на нефть и даже не в зависимости от них, а в причинах этой зависимости. К сожалению, в течение всего периода высоких цен на сырье экономическая политика правительства не была направлена на использование в должной степени преимуществ получения огромной сырьевой ренты для реальной модернизации экономики, диверсификации ее структуры, перевода в русло высокотехнологичной реиндустриализации. Да это и не представляется возможным в рамках существующей модели развития. Более того, продолжалось сокращение промышленного производства.

Необходимость перехода к более прогрессивной модели развития, способной обеспечить устойчивый экономический рост и по-

высить конкурентоспособность российской экономики, сегодня уже никто не отрицает. Однако подходы к выработке новой стратегии развития, ее принципам, равно как и путям выхода из тяжелейшей кризисной ситуации, принципиально отличаются друг от друга.

Первый подход, который принято называть либеральным, основывается прежде всего на либерализации в качестве главного средства реформирования российской экономики (А. Кудрин, Е. Гурвич, В. Мау, Б. Титов и др.). Основной причиной сегодняшней рецессии его сторонники считают слабость рыночных механизмов, а в качестве основы новой стратегии предлагают радикальное сокращение нерыночного сектора и бремени государственного регулирования [Кудрин, Гурвич Е., 2014, с. 16, 21, 33].

Многое из того, что предлагается приверженцами указанной точки зрения, уже применялось в нашей стране в постсоветский период, когда акцент делался на рыночное саморегулирование, и принесло в основном отрицательные результаты. По существу, сторонники данного направления предлагают лишь сократить нефтяную зависимость экономики, серьезно реформировав прежнюю экономическую модель.

Существует альтернативная точка зрения, в основе которой лежит приоритет реиндустриализации экономики на базе высокотехнологического инновационного развития и стратегического или селективного планирования (С. Бодрунов, А. Бузгалин, С. Глазьев, С. Губанов, А. Колганов, К. Хубиев и др.). В условиях происходящего стремительного ухудшения экономической ситуации число сторонников этой точки зрения в научном сообществе растет, и мы ее также разделяем. В ее основе лежит справедливый, по нашему мнению, тезис о том, что именно беспрецедентная деиндустриализация, явившаяся следствием паразитирования экономики на извлечении сырьевой ренты, стала причиной усугубляющегося отставания нашей страны от высокоразвитых государств и нынешней рецессии.

Сторонники обоих подходов едины в необходимости ухода России от экспортно-сырьевой зависимости. Однако если первые в основе новой стратегии развития видят резкое сокращение государственного регулирования экономики [Кудрин, Гурвич, 2014, с. 16], то вторые — ее структурную трансформацию и реиндустриализацию на основе инновационного развития, т.е. не реформирование существующей модели, а полный отказ от нее и переход к новой прогрессивной модели развития.

Известно, что в процессе сокращения промышленного производства в наибольшей степени пострадали отрасли обрабатывающей промышленности и главным образом машиностроительный комплекс — т.е. базовые сегменты, которые являются драйверами экономического роста.

Доказательством продолжающейся деиндустриализации служат данные 2015 г., указывающие на снижение промышленного производства практически по всем его видам. Если в первом квартале 2015 г. общее снижение составило –0,4% по сравнению с аналогичным периодом 2014 г., то в последнем квартале 2015 г. этот показатель составил уже –4,4%. Темпы снижения в четвертом квартале 2015 г. составляли примерно 0,3% к каждому предшествующему месяцу. В целом же снижение объема производства промышленной продукции в ноябре 2015 г. по отношению к ноябрю 2014 г. составило 3,5, а в декабре — уже 4,5% [Центр..., 2016, с. 17].

Таблица

**Динамика промышленного производства в 2015 г.
по сравнению с аналогичными периодами 2014 г.
(темп прироста, в %)**

	I кварт. 2015	II кварт. 2015	III кварт. 2015	IV кварт. 2015	10.2015	11.2015	12.2015
Промышленное производство (в среднем за месяц)	–0,4	–4,9	–4,2	–3,9	–3,6	–3,5	–4,5
Обрабатывающие производства	–0,6	–0,6	0,2	–0,6	–0,8	–0,6	–0,4
Товары инвестиционного спроса	–0,8	–1,3	–0,2	–1,6	–2,7	–0,7	–1,6

Источник: по данным Росстата. Рассчитано Центром макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования в 2016 г.

При этом надо отметить, что еще в докризисном 2012 г. стали снижаться темпы роста основных воспроизводственных параметров. Так, темпы роста инвестиций в основной капитал, являющиеся одним из основных показателей состояния экономики, уменьшились с 11% в 2011 г. до 6,6% в 2012-м [Российский статистический ежегодник, 2013, с. 298].

Причины падения и возможности возрождения промышленного производства в нашей стране принципиально отличаются

от ситуации, связанной с деиндустриализацией в европейских странах и США. И, к сожалению, многие проблемы, связанные с возрождением нашей промышленности, больше похожи на те, которые стоят перед слабо развитыми экономиками. Обратимся к опыту западных стран, а затем перейдем к обоснованию необходимости и возможных направлений российской реиндустриализации.

Сравнительный анализ реиндустриализации в ЕЭС и США

В последние годы западными экспертами активно обсуждаются вопросы, связанные с негативными последствиями сокращения промышленной сферы и необходимостью ее восстановления. Данный подход был отражен в качестве составной части стратегии европейского развития до 2020 г., в рамках которой была поставлена задача разработки промышленной политики, которая должна создать благоприятную среду для поддержания и развития сильной конкурентоспособной и диверсифицированной индустриальной базы в Европе [EU Commission, 2010].

В конце 2012 г. Европейская комиссия поставила задачу увеличения доли промышленного сектора в Европе к 2020 г. с 16 до 20%. Эти задачи были поставлены на фоне резкого сокращения доли промышленности в валовой добавленной стоимости во всех странах Европейского союза на протяжении 2000-х гг. Исключением явилась только Германия, где доля промышленности оставалась более или менее неизменной. Германия является единственной западноевропейской страной, где доля промышленности в валовой добавленной стоимости в 2012 г. была выше, чем в 2000 г. Хотя этот прирост и составил всего лишь одну десятую процента [Deutsche Bank Research, 2013, p. 4]. В остальных европейских странах доля промышленности в экономике падала, хотя и по-разному.

Основными факторами, способствовавшими снижению доли промышленности в странах ЕС, послужили: рост сектора услуг; вывод производств за рубеж; снижение международной конкурентоспособности продукции соответствующих отраслей.

Последний фактор играл весьма значительную роль. Если Германия и Скандинавские страны сохраняют высокую конкурентоспособность своих товаров, то целый ряд других государств ЕС в этом плане значительно от них отстает.

Существует целый ряд причин, побуждающих европейские страны к возрождению промышленной базы своих экономик:

- известно, что именно отрасли обрабатывающей промышленности, и прежде всего машиностроение и станкостроение, в наибольшей степени продуцируют развитие высоких технологий и инноваций. Европейские правительства рассчитывают, что усиление национальной промышленной базы окажет благоприятный эффект на развитие исследовательского сектора, что, в свою очередь, будет стимулировать дальнейший рост в ней инновационной составляющей. Это приведет к увеличению доли добавленной стоимости в производимых товарах и услугах и будет способствовать росту их международной конкурентоспособности. Сегодня промышленный сектор в западноевропейских странах обеспечивает не менее — а часто и более — 60% вложений частного сектора в R&D (НИОКР). Однако эти показатели считаются недостаточно высокими, прежде всего в условиях растущей конкуренции с США и НИС [Deutsche Bank Research, 2013, p. 2];
- развитие мощной индустриальной базы требует наличия рынка соответствующей высококвалифицированной рабочей силы. Это стимулирует развитие рынков труда;
- развитие ключевых секторов промышленности, наиболее восприимчивых к инновациям (прежде всего отрасли машиностроения), способствует росту высокотехнологичных разработок в смежных отраслях промышленности и в сфере услуг. Эта тенденция является свидетельством того, что промышленное производство сегодня не является синонимом дымящих заводских труб — напротив, оно стимулирует развитие интенсивной исследовательской деятельности и является дружелюбным по отношению к окружающей среде;
- немаловажным является пример Германии, сумевшей значительно более легко справиться с финансово-экономическим кризисом по сравнению с большинством стран ЕС в значительной степени благодаря высокой конкурентоспособности своего промышленного производства. Этот пример явился наглядным аргументом в пользу развития последнего;
- рост производства высокотехнологической промышленной продукции открывает новые возможности для экспорта. Возрождение промышленного производства на базе высоких технологий позволяет рассчитывать на то, что западноевро-

пейские страны смогут лучше конкурировать на этом направлении со странами Юго-Восточной Азии и США.

Проблема усиления индустриальной сферы в последнее время актуальна не только в европейских странах, но и в США. По мнению Дж. Стиглица, корень зла кризиса, который случился в США в 2008 г., лежит не в банковском секторе, проблемы которого являлись лишь следствием накопившихся макроэкономических проблем, а в разрушении промышленности, продолжавшемся в течение десятилетий. Уменьшение рабочих мест в реальном секторе экономики США было впечатляющим — от примерно одной трети работников в общем числе рабочих мест 60 лет назад до соответственно приблизительно одной десятой — в настоящее время [Stiglitz, 2013]. Произошло это вследствие роста производительности труда в промышленности (что само по себе является положительным моментом) и катастрофического по своим масштабам вывода обрабатывающих производств за рубеж. Доля обрабатывающих отраслей промышленности в ВВП США только за период с 1990 по 2009 г. снизилась с 17 до 11%. Вместе с тем надо отметить, что за три года — с 2009 по 2012-й — промышленный сектор США переломил эту тенденцию, подняв, хоть и незначительно, свою долю в ВВП до 11,9% в 2012 г. [Deutsche Bank Research, 2013, p. 14].

Ключевым фактором проблем, накопившихся в экономике США и наиболее рельефно проявившихся в 2008 г., Дж. Стиглиц считает переход от развития экономики промышленности к преимущественному развитию экономики услуг. Если все американские работники, считает он, «будут заниматься стрижкой газонов, оказанием парикмахерских услуг, экспортом сырья и продажей продукции, произведенной в других странах, вряд ли это приведет к экономическому процветанию нации» [Stiglitz, 2013]. Несмотря на некоторое утрирование, это бесспорный факт, так как все перечисленные и подобные им виды деятельности не создают никаких материальных благ, но, в свою очередь, нуждаются в передовом оборудовании. В случае продолжения негативного тренда США, по его мнению, с большой долей вероятности будут постепенно превращаться в третью экономику мира, не будучи в состоянии поддерживать даже существующий уровень жизни, не говоря уже о его росте [Stiglitz, 2013]. Необходимую трансформацию Стиглиц видит в восстановлении роли промышленности в русле интенсивного развития креативной экономики, главным драйвером которой является развитие инновационной составляющей. В основе развития такой

экономики лежит формирование креативного класса работников [Florida, 200, p. 25].

Многие аналитики считают, что тенденция, связанная с реиндустриализацией в США, будет продолжаться и, более того, что они близки к тому, чтобы пережить длительный промышленный ренессанс [Boston Consulting Group, 2011]. В основе этой точки зрения лежит следующая логика. Вступает в силу фактор, противодействующий тенденции, связанной со строительством дополнительных офшорных производств. Это связано со стремительным восстановлением преимуществ экономики США по себестоимости продукции по сравнению с развивающимися странами. Несмотря на то что и в настоящий момент оплата труда в Китае и других азиатских странах все еще значительно ниже американской, эти различия уменьшается намного быстрее, чем разница в его производительности. Если в 2000 г. средняя заработная плата китайского работника в сфере промышленности составляла лишь 3% от соответствующей заработной платы в США, то к 2015 г. она составила примерно 15% [Deutsche Bank Research, 201, p. 15]. А цена на энергоносители и некоторые виды недвижимости в отдельных наиболее экономически развитых регионах Китая сейчас иногда даже выше, чем в США — в особенности в связи со снижением цен на энергоносители в результате расширения добычи там сланцевых месторождений нефти и газа. Так как себестоимость продукции на развивающихся рынках все еще значительно ниже, местный спрос там будет по-прежнему удовлетворяться за счет производств, размещенных в данном регионе. Однако в отношении товаров, которые реимпортируются оттуда в США, практика будет меняться и уже меняется. Это связано с тем, что реимпорт влечет за собой дополнительные издержки, связанные с транспортными и таможенными расходами. По данным журнала *The Economist*, себестоимость продуктов некоторых калифорнийских компаний сейчас только на 10% выше продукции соответствующих китайских компаний, если принимать в расчет транспортные и таможенные расходы [The Economist, 2013].

Другими факторами, способствующими новому тренду, могут стать более высокое качество и большая инновационная гибкость промышленного производства в США. Поэтому для американских компаний становится все более выгодным удовлетворять по крайней мере часть внутреннего спроса за счет собственного производства и создавать новые производственные мощности у себя дома. Сложно говорить сегодня именно о ренессансе, но падение доли

промышленного производства в ВВП США и вывод его за рубеж в настоящее время прекратились.

Очевидно, что сценарии американской реиндустриализации могут быть в меньшей степени применимы в Европе. Это связано с рядом причин, связанных прежде всего с тенденциями развития в ней промышленного производства, подходами к защите окружающей среды и т.д. Принципиально различались и пути вывода производств за рубеж. В то время как основная часть производственных мощностей, выведенных из США, была перемещена в Мексику, а также Китай, Индию и другие азиатские страны, большинство выведенных производств западноевропейских компаний было размещено в восточноевропейских членах ЕЭС. Это было выгодно в силу меньших затрат при условии к тому же отсутствия торговых барьеров в виде таможенных пошлин, отсутствия необходимости получения разрешения на рабочую силу, разницы в стандартах и т.д. В 2012 г. немецкие компании, выведившие свои производства за рубеж, 61% всей продукции производили в Германии, 21% — в других европейских странах и только 8% в странах Азии [Deutsche Bank Research, 2013. р. 15]. Похожая ситуация сложилась и в других развитых европейских странах. Поэтому им вряд ли удастся существенно расширить долю промышленного сектора только за счет возвращения промышленности из стран за пределами Европейского континента. Возвращение же из третьих европейских стран не рассматривается.

Существует еще одно существенное различие, связанное с развитием американской и европейской промышленности в целом и влияющее на возможности реиндустриализации. Издержки европейских компаний значительно отличаются от американских в пользу последних. Это связано с рядом причин. Рост производительности труда в США в последние несколько лет был выше, чем в большинстве европейских стран. Кроме того, издержки производства в Европе выше в связи с тем, что норма эксплуатации рабочей силы в европейских странах ниже американской — расходы на оплату труда в ряде ключевых европейских государств часто превышают американские показатели, хотя эти значения сильно дифференцируются по ЕС. Похожая ситуация имеет место и в энергетическом обеспечении. Издержки на оплату электроснабжения в европейских компаниях как минимум в два раза выше, чем в США. По газу разница еще больше. Вследствие всего этого получается, что только в небольшом числе случаев ЕС, в отличие от США, удалось улучшить свою конкурентоспособность в сфере издержек производства по сравнению со своими производствами вне Европейского континента.

нента. И тем не менее тенденция вывода производств из европейских стран также значительно сократилась в последние годы. Так, в 2006 г. 15% немецких промышленных компаний заявляло о том, что по крайней мере часть своего производства они вывели в третьи страны за предыдущие два года. В 2012 г. эта цифра снизилась до 8%. Эта тенденция проявилась еще более отчетливо в отношении секторов, в которых объем вывода за рубеж был выше средних значений. Например, в отраслях, связанных с металлообработкой и электрическим машиностроением, только 11% фирм Германии выводили хотя бы часть своего производства в третьи страны в 2010–2011 гг. За двухлетние периоды между 1990 и 2000 гг. соответствующий показатель превышал 25% [Deutsche Bank Research, 2013, p. 17].

Существует еще одно существенное отличие стран Евросоюза от США в сфере промышленного развития и реиндустриализации как одного из его аспектов. Оно состоит в том, что, несмотря на высокий уровень высокотехнологичной и инновационной составляющей европейской индустриальной базы, в целом она все же проигрывает США, прежде всего в силу неоднородного состава Европейского союза, в котором существует значительная дифференциация уровней экономического развития между различными странами. США же, в отличие от Европы, представляют собой единое государство, и им соответственно проще обеспечить более высокую концентрацию наукоемких технологий и инноваций. Не случайно, несмотря на то что промышленная сфера в наиболее экономически развитых европейских странах основывается преимущественно на высокотехнологичном производстве, в качестве основной задачи в рамках реиндустриализации в Евросоюзе называется развитие инноваций. Являясь усилителем роста технологической составляющей промышленности, именно развитие инноваций, включая фактор человеческого капитала, рассматривается в качестве необходимого условия роста конкурентоспособности европейской продукции на мировых рынках. В настоящее время в среднем по группе стран, состоящей из Германии, Швеции, Великобритании, Ирландии и Франции, более 30% работников, занятых в отраслях промышленности, работают в высоко- и среднетехнологичных отраслях. И именно технологически емкие отрасли промышленности стали главными драйверами европейского экономического роста в последние годы. Если в середине 2013 г. общий выпуск промышленной продукции был все еще на 11% ниже соответствующего объема начала 2008 г., то выпуск именно **высокотехнологичной** продукции в стоимостном выражении

уже к 2011 г. восстановил прежний, докризисный уровень [Deutsche Bank Research, 2013, p. 15].

Причины деиндустриализации и возможности возрождения промышленного производства в нашей стране принципиально отличаются от ситуации в европейских странах и США. И, к сожалению, многие проблемы, связанные с возрождением промышленной базы российской экономики, больше похожи на те, которые стоят перед слаборазвитыми государствами. В западных странах основными причинами деиндустриализации были гипертрофированный рост сферы услуг и вывод производств за рубеж. В нашей стране основной причиной стало паразитирование экономики на сырьевой ренте и незаинтересованность государственных и частных компаний в модернизационном развитии. Это значительно усложняет проблему быстрого восстановления промышленности и достижения ею международной конкурентоспособности.

Реиндустриализация российской экономики: главные проблемы и возможные решения

Сложности реиндустриализации российской экономики связаны с масштабностью задач в условиях ограниченности ресурсов, которые усугубляются общей неблагоприятной обстановкой, как внешней (экономические санкции и контрсанкции, низкие цены на нефть и пр.), так и внутренней (кризис управления, высокая степень коррупции, слабая правовая база и т.д.). Поэтому принципиально важно определить, следует ли фокусировать внимание на развитии **текущих преимуществ** экономики или сосредоточиться на **стимулировании инвестирования в высокопродуктивные высокотехнологичные отрасли**, способные стать конкурентными лишь в долгосрочной перспективе [Lin, 2012, p. 287–289]. С нашей точки зрения, необходимо сбалансированное применение обоих подходов. Иными словами, принципиально важным является взвешенное определение исходных пунктов новой индустриализации, ее общей направленности, этапов ее реализации [Хубиев, 2015, с. 13] и, что представляется особенно критичным, правильного выбора приоритетов. Сложно себе представить, что все эти задачи могут быть выполнены при уменьшении регулирующей роли государства, без применения грамотной промышленной политики.

С нашей точки зрения, главный приоритет в процессе структурной трансформации должен состоять прежде всего в создании высокотехнологичной индустрии на основе наукоемкого производства

продукции с высокой долей добавленной стоимости. Для России приоритет высокотехнологичной диверсификации экономики является исключительно важным. Между тем наиболее серьезной проблемой, значительно затрудняющей решение этой задачи, является то, что в постсоветский период так и не произошло настоящего поворота к развитию высоких технологий и человеческого капитала. То, что было сделано в последние годы, абсолютно недостаточно. Вместе с тем новая индустриализация может стать основой устойчивого экономического роста только в случае, если она будет основываться на инновационном развитии.

Решением вопроса, по нашему мнению, может быть точечное применение высоких технологий в наиболее прорывных секторах, которые имеют наибольший потенциал достижения международной конкурентоспособности. В этой связи весьма показателен опыт стран Юго-Восточной Азии. Как известно, ориентация на наращивание экспорта высокотехнологичной продукции явилась основным драйвером их ускоренного экономического роста. При этом регулирующая роль государства имела принципиальное значение. Так, предоставление частным компаниям различных, в том числе налоговых, привилегий было поставлено в прямую зависимость от их экспортной деятельности. В Южной Корее, например, неудача в достижении целей по экспорту имела шанс закончиться не только потерей компанией субсидий, но и передачей предприятия другому промышленному конгломерату (*chaebol*). Там, где угроза применения такой принудительной практики становится реальной, компании получают побудительные стимулы для повышения своей конкурентоспособности. Правда, такие инструменты государственной промышленной политики эффективны только в том случае, когда существует справедливость и честность в отношениях между государством и бизнесом [A World Bank Policy..., 1993, p. 15]. В странах же, где господствует система отношений, основанная на фаворитизме и коррупции, существует риск того, что принудительная практика такого рода будет превращаться в рейдерские захваты, а результаты могут быть «перехвачены» конкретными заинтересованными группами. Зачастую эти группы бывают весьма близки к властным структурам.

Применительно к нашей стране на начальном этапе более рациональной представляется концентрация усилий на подъеме секторов и отраслей, **уже** имеющих наибольший потенциал роста конкурентоспособности и в то же время в большей степени восприимчивых к высоким технологиям, — например, авиастроения, двигателестро-

ения, производства грузовых машин, электротехнического оборудования, на производствах, связанных с глубокой переработкой нефти, инфраструктурных комплексах и т.д. Планово-селективная поддержка таких высокотехнологичных секторов и проектов с большей степенью вероятности будет способствовать доведению их до уровня международной конкурентоспособности. Положительным примером движения в этом направлении сегодня является проект «Иркут МС-21» по производству современного ближне- и среднемагистрального пассажирского самолета. В его основе лежит производство высокотехнологичного авиадвигателя ПД-14, на котором будет базироваться разработка целого семейства новых двигателей. Проект предусматривает будущий экспорт продукции в страны Юго-Восточной Азии, Латинской Америки, а впоследствии в Европу.

Двигателем реиндустриализации в России могут стать крупные компании оборонного комплекса, получающие сейчас существенные финансовые средства и в наибольшей степени восприимчивые к высоким технологиям. Эти компании по определению имеют значительно больший потенциал конкурентоспособности, так как изначально исходят из соображений глобальной конкуренции. При этом их развитие предполагает увеличение спроса на продукцию смежных отраслей, прежде всего машиностроительного комплекса. Это стимулирует развитие последнего, в том числе предприятий среднего и малого бизнеса. Однако кооперационные связи в сфере машиностроения развиты пока слабо. Без грамотного применения промышленной политики ни доведение до уровня конкурентоспособности имеющихся, ни создание новых видов деятельности, основанных на высоких технологиях, ни их кооперация не представляются возможными. К сожалению, именно в данном направлении промышленная политика выглядит достаточно спонтанной и неопределенной. Это объясняется прежде всего отсутствием системного выбора стратегических приоритетов в определении тех самых отраслей и производств, которые имеют «латентные» сравнительные преимущества в плане инновационного развития и достижения международной конкурентоспособности. Функцией государства является создание условий для использования этих преимуществ. При этом очень важен селективный подход, так как продвижение экономически неперспективных проектов приведет к потере ограниченных финансовых ресурсов. Необходимым условием минимизации подобных рисков является применение стратегического или как минимум селективного планирования данных процессов [Бузгалин, Колганов, 2016, с. 76].

Инновационное развитие — основа высокотехнологичной индустриализации

Имеется целый ряд причин, затрудняющих инновационное развитие в нашей стране. Известно, что в любом случае инвестиции, связанные с инновациями и широким переливом интеллектуальных знаний, сопряжены с высоким риском для инвестора. Банки не заинтересованы в финансировании компаний, занимающихся реализацией рискованных проектов. А без такого финансирования инновационное развитие становится невозможным. Применительно к Российской Федерации проблема усугубляется тем, что у нас не работает в должной степени долгосрочное государственное стратегическое планирование, что, в свою очередь, еще больше увеличивает корпоративные и банковские риски. В итоге реальный сектор и прежде всего обрабатывающие отрасли промышленности не получают «задела на долгосрочное инновационное развитие, а ориентируются в своих сценариях развития исключительно на экстраполяцию сиюминутного конъюнктурного состояния» [Марьясис, 2015, с. 202]. Тот спрос на инновации, который назрел в реальном секторе, «питает своими деньгами чужие инновационные системы. А отдельные малые компании, разрозненные творческие коллективы — «островки инноваций», — которые у нас есть, «вынуждены встраиваться в чужие бизнес-схемы. Чужие, в смысле не российские» [Рожков, 2009, с. 728].

Ситуацию не улучшает и то, что на рынке доминируют крупные предприятия, которые стараются, «если осознают в этом необходимость, новые технологии создавать внутри, не всегда имея для этого достаточную компетенцию. В итоге экономическая эффективность этих предприятий не повышается и не происходит развитие малых предприятий» [Демидов, 2013, с. 26]. В то же время недостаточное развитие малого и среднего инновационного предпринимательства и, в частности, стартапов признается многими экспертами в качестве еще одного фактора, в значительной степени тормозящего инновационные процессы. Между тем опыт целого ряда стран, и прежде всего США и Израиля, свидетельствует о том, что некоторые стартапы, специализирующиеся на разработке какой-то одной технологии, вырастают потом в крупные корпорации. Известный пример — компания HP. Сегодня в России наблюдается негативный тренд в отношении развития стартапов, так как в связи недостаточностью финансирования им стало еще более затруднительно разворачивать свою деятельность.

Весьма эффективным, в том числе и в решении подобных проблем, было государственное стимулирование инновационного развития в Израиле. Оно основывалось на трех основных принципах:

- НИОКР — важный элемент технологической цепочки, целью которого является создание новейших видов продукции, что может обеспечить стране мировое лидерство в какой-то конкретной, пусть и небольшой нише. То есть высокотехнологичный экспорт в Израиле, как и в НИС, назывался и называется сейчас в качестве экспортной стратегии страны;
- поощрение конкуренции внутри страны во всех сегментах инновационной экономики;
- роль государства — всемерное стимулирование развития НИОКР в различных отраслях, особенно если существуют провалы рынка, без непосредственного в него вмешательства.

Принципиальным моментом такой политики было предоставление государственного финансирования только в том случае, если компания проводит НИОКР и организует производство на территории Израиля, а за рубеж продает конечную продукцию. Передача результатов, которые получены в результате государственного субсидирования НИОКР, за рубеж **запрещалась**. В случае успешного выполнения проекта, когда начинаются продажи продукта на рынке, получатель финансирования обязан выплачивать государству роялти [Марьясис, 2015, с. 7]. Таким образом, не вмешиваясь напрямую в экономические процессы, правительство Израиля осуществляло и продолжает осуществлять активное грамотное регулирование инновационного развития, в том числе с использованием протекционистских мер и методов экономического принуждения, позволившее стране стать одним из мировых лидеров в этой области.

В связи с объективной сложностью задач по осуществлению высокотехнологичной реиндустриализации в России и множеством сопутствующих негативных условий принципиальным моментом в применении промышленной политики в данном направлении является нахождение правильного баланса функций государства и частных агентов. Безусловно, при недопустимости грубого административного вмешательства и излишней бюрократизации следует тем не менее понимать, что именно государство обязано взять на себя лидирующую роль по слову существующей модели развития и переходу к прогрессивной модели, способной обеспечить устойчивый экономический рост.

Существуют две альтернативные стратегии осуществления государственной промышленной политики. Первая, которую называют стандартной, состоит в том, что правительство планирует развитие определенных стратегических отраслей промышленности, выбирая конкретные виды продукции и продуктовые ниши. После этого оно принуждает рыночными и нерыночными способами заходить туда частные компании [Atkinson, Ezell, 2012, p. 133–150].

Вторая стратегия состоит в фокусировании на регулирующей роли государства в качестве гибкого стимулирующего агента [Марьясис, 2015, с. 29]. В этом качестве его роль состоит в поощрении частного бизнеса к работе в технологически интенсивных сферах и активному сотрудничеству с государством и друг с другом. Правительство же берет на себя создание широкого спектра технологических возможностей, включая подготовку высококвалифицированных кадров. То есть во главу угла ставится обеспечение государством конкретной мотивации частных агентов начать свою деятельность в отраслях экономики, базирующихся на инновационной активности. При этом важно, чтобы существовало определенное разделение труда между ним и частными игроками, «где каждая сторона берет на себя решение определенных задач во имя достижения общей цели — устойчивого экономического роста, основанного на инновационном развитии. Если же государство либо игнорирует возникновение новых отраслей хозяйства, либо, приняв участие в их создании, отказывается выпускать бразды правления из своих рук, то вероятность провала в создании экономики инноваций будет велика» [Марьясис, 2015, с. 29–30].

Таким образом, роль государства, по нашему мнению, должна основываться на трех ипостасях:

- выработке собственных действий, касающихся определения новых секторов хозяйства, основанных на инновациях;
- выработке правильных отношений с частным бизнесом с целью стимулирования его участия в этих процессах¹;
- организации встраивания в инновационную деятельность своих структур — прежде всего образовательной (подготовка кадров), финансовой и правовой.

¹ В качестве положительного примера участия частного бизнеса в развитии высоких технологий можно привести деятельность крупной газоперерабатывающей компании «Сибур», сумевшей, несмотря на кризис, в два раза увеличить свою капитализацию благодаря инвестированию в высокотехнологичные сегменты нефтехимической отрасли [<http://investors.sibur.com/results-centre/financial-results>].

Для обеспечения наиболее эффективного баланса действий очень важна организация различных форм совместной деятельности предпринимателей, рыночных аналитиков и представителей правительства. Это может происходить в формате государственных фондов развития промышленности [Федеральный закон..., 2015, ст. 4, 11], различных форумов по развитию инфраструктуры и снабжения, консультативных инвестиционных советов, круглых столов по развитию секторов промышленности, государственно-частных венчурных фондов и т.д. Деятельность, направленная на структурную трансформацию экономики, предполагает способность правительства координировать работу различных структур государственного и частного секторов на различных уровнях на основе предварительно выработанного совместного видения процесса и разработки инициатив, стимулирующих предпринимателей следовать в русле этого процесса. Такая координация требует, чтобы все полномочия, правомочность и ответственность сторон были четко определены и прозрачны.

Наличие совместных координационных механизмов является необходимым, но недостаточным условием успешной реализации промышленной политики. Положительным примером успешной деятельности такого рода являются решительные меры, предпринятые правительствами восточноазиатских стран в процессе структурной перестройки. Они обладали колоссальными полномочиями обязывать различные министерства и ведомства осуществлять соответствующие изменения. В Японии, например, в число таких ведомств входило Министерство внешней торговли и промышленности, в Южной Корее — Экономическое бюро по планированию, в Малайзии — аналогичная структура. Наличие планово-целевого регулирования со стороны центральных властных структур имеет особенное значение в странах с переходной экономикой, где нет достаточно развитых институтов, позволяющих быстро принимать правильные политико-технологические решения на местах [Ohno, 2009, р. 20–23]. При этом принципиальное значение имеет наличие в государственных структурах ясного представления о деятельности конкретных компаний в частном секторе, функционировании рынков и способности общаться с бизнесом на его языке. Это дает возможность строить процесс высокотехнологичной индустриализации таким образом, чтобы агенты хозяйственной деятельности могли солидарно выполнять первоочередные задачи проводимой политики, а не преследовать свои корпоративные краткосрочные интересы. При этом важно, чтобы любые изменения в принятой стратегии ста-

новились известны заранее, а сама стратегия реализовывалась поэтапно, чтобы компании могли адаптировать свои собственные структуры и планы развития к новым реалиям. Государство должно брать на себя помощь в информировании частных компаний по новейшим технологиям и концепциям ведения предпринимательской деятельности, новым рыночным трендам, трендам в формировании потребительских запросов, а также стимулировать трансфер знаний между компаниями. Таким образом, промышленная политика государства должна представлять собой планово-системный процесс осуществления определенных действий.

Выводы

Причины и возможности реиндустриализации российской экономики в корне отличаются от соответствующих процессов в европейских странах и США, где они связаны в основном с возвращением производств и дальнейшим ростом их инновационной и креативной составляющей. Восстановление индустрии в западных странах облегчается тем, что из них выводились только сами производства, но не прекращались прикладные исследования, сохранилась высококвалифицированная рабочая сила, инновационные разработки и т.д. Реиндустриализация в России выглядит не как возвращение промышленности, а как ее восстановление или во многом — создание новой. Это требует целенаправленной концентрации материальных и человеческих ресурсов на новых видах деятельности, основывающихся на наукоемких инновационных технологиях с использованием высокотехнологичной рабочей силы. Важнейшим условием успешности данных процессов является правильное ранжирование стратегических приоритетов и учет реальных ресурсных и макроэкономических возможностей. Не менее важным условием являются стимулирующие меры в рамках государственной промышленной политики, направленные на вовлечение частного бизнеса в инновационное развитие и модернизацию, а также грамотное распределение ролей между государством и бизнесом.

Переход к прогрессивной модели экономического развития невозможен без взятия на себя ответственности со стороны правительства и со стороны бизнеса, а также без согласования интересов ключевых групп в элите. Предпочтение стабильности в виде стагнации приведет только к дальнейшим негативным последствиям, которые могут придать системному кризису еще более острые формы проявления.

Список литературы

1. *Бузгалин А., Колганов А.* Планирование: потенциал и роль в рыночной экономике XXI века // Вопросы экономики. — 2016. — № 1. — С. 63–80.
2. *Губанов С.* Экономика без движущей силы: об итогах первого полугодия 2014 г. // Экономист. — 2014. — № 8. — С. 3–19.
3. *Демидов В.* Малое инновационное предпринимательство: проблемы и решения // Путеводитель российского бизнеса. — 2013. — № 10. — С. 25–26.
4. *Кудрин А., Гурвич Е.* Новая модель роста для российской экономики // Вопросы экономики. — 2014. — № 12. — С. 4–36.
5. *Марьясис Д.* Опыт построения экономики инноваций. Пример Израиля. — М.: ИВ РАН, 2015. — 267 с.
6. *Рожков Г.* Генезис инновационной экономики в России. — М.: МАКС Пресс, 2009. — 888 с.
7. Российский статистический ежегодник. — М.: Росстат, 2013. — 717 с.
8. Федеральный закон РФ «О промышленной политике в Российской Федерации», ст. 4, 11 // Российская газета. — 11 июня 2015.
9. *Хубиев К.* Проблемы структурной перестройки экономики на новой промышленной основе // Экономист. — 2015. — № 8. — С. 12–22.
10. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Т. 3, 2016. — 7 с.
11. *Atkinson R. D., Ezell S. J.* Innovation Economics. The Race for Global Advantage. — Yale University Press, 2012. — P. 133–150.
12. Coming Home: Reshoring Manufacturing // The Economist. — 2013. — January 19. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/>
13. Europe 2020: A strategy for smart, sustainable and inclusive growth. — EU Commission, Brussels, 2010. URL: <http://www.efesme.org/>
14. Europe's re-industrialization: The gulf between aspiration and reality // Deutsche Bank DB Research. — 2013. — November 26. — 23 p.
15. *Florida R.* The Rise of the Creative Class: And How It's Transforming Work, Leisure, Community, and Everyday Life. — Basic books, 2003. — 464 p.
16. *Lin J.* New Structural Economics: A Framework for Rethinking Development and Policy. — Washington DC: World Bank, 2012. — 386 p.
17. Made in America Again. Why manufacturing Will Return to the US. — Made in America, Again. Boston Consulting Group // Third Annual Survey of U.S. — Oct., 2014. URL: <http://www.slideshare.net/>
18. *Ohno K.* The middle income trap: implications for industrialization strategies in East Asia and Africa. — Tokyo: GRIPS Development Forum, 2009. — 108 p.
19. *Stiglitz J.* The Price of Inequality. June, 21, 2013. URL: www.vanityfair.com/joseph-stiglitz-the-price
20. The East-Asian Miracle. A World Bank Policy Research Report. — Oxford University Press, 1993. URL: <http://www-wds.worldbank.org>. — 402 p.
21. The Economist, 2013, January 19. URL: <http://www.economist.com/news/special-report/21569570>

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Buzgalin A., Kolganov A.* Planirovaniye: potentsial i rol' v rinochno' ekononike XXI veka // Voprosi ekonomiki. — 2016. — № 1. — S. 63–80.
2. *Gubanov S.* Ekonomika bez dvijushe' sili: ob itogah pervogo polugodiya 2014 goda // Ekonomist. — 2014. — № 8. — S. 3–19.
3. *Demidov V.* Maloye innovatsionnoe predprinimatelstvo: problemi i resheniya // putevoditel' rossi'skogo biznesa. — 2013. — № 10. — S. 25–26.
4. *Kudrin A., Gurvich E.* Novaya model' rosta dlya rossi'sko' ekonomiki // Voprosi ekonomiki. — 2014. — № 12. — S. 3–21.
5. *Mar'asis D.* Opit postroyeniya ekonomiki innovatsi'. Primer Israela. — M.: IV RAN, 2015. — 267 s.
6. *Rozhkov G.* Genezis innovatsionno' ekonomiki v Rossii. — M.: Maks-Press, 2009. — 888 s.
7. Rossi'ski' statisticheski' ezhegodnik. — M.: Rosstat, 2013. — 717 s.
8. Federal'ni' zakon RF «O promishlenno' politike v Rossi'sko' Federatsii», st. 4, 11 // Rossi'skaya gazeta. — 11 iyunya 2015.
9. *Hubiev K.* Problemi strukturno' perestro'ki ekonomiki na novo' promishlenno' osnove // Ekonomist. — 2015. — № 8. — S.12–22.
10. Tsentr makroekonomicheskogo analiza i kratkosrochnogo prognozirovaniya. T. 3, 2016. — 7 s.